

21. Попов Д. В. К вопросу о соотношении уголовно-правовых понятий принуждение и насилие. — Уфа, 2004.
22. Радбрух Г. Философия права: Учеб. пособие для вузов. — М.: Междунар. отношения, 2004.
23. Рикёр П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. — 1996. — № 4.
24. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность («Contingency, Irony and Solidarity»). Cambridge, Mass., 1989) // psylib.org.ua/books/gritz01/sluchajnost'_ironija_i_solidarnost'_rorti.htm
25. Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. — М.: Юрлитинформ, 2002.
26. Сливка С. Філософія насильства свободної волі у позитивному праві. Роль ОБС у сфері запобігання та протидії насильству у суспільстві. — 2000
27. Словарь по правам человека //www.hro.org/editions/glossary/13/violence.htm
28. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М. Ю. Тихомирова. — М., 1999.
29. Харківський центр жіночих досліджень. Індикатори, які дозволяють визначити факти психологічного насильства в сім'ї щодо дітей //kews.kharkov.ua/soe_art01.html
30. Честнов И. Л. Право как диалог: К формированию новой онтологии правовой реальности. — СПб., 2000.
31. Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
32. Юридична енциклопедія: В 6 т. — К., 2003. — Т. 4.

УДК 340(520):316.752

А. С. Поляков

ЯПОНСКОЕ ПРАВО: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Правовые системы многих стран Азии не обладают той степенью единства, которая свойственна западным правовым семьям. Однако у них много общего по существу и форме, все они основываются на концепциях, отличающихся от тех, которые господствуют в западных странах. Конечно, все эти правовые системы в какой-то мере заимствуют западные идеи, но в значительной мере остаются верны взглядам, в которых право понимается совсем иначе и не призвано выполнять те же функции, что в западных странах. Считается, что принципы, которыми руководствуются страны Востока, бывают двух видов:

1. Признаётся большая ценность права, но само право понимается иначе, чем на Западе, имеет место переплетение права и религии.

2. Отбрасывается сама идея права и утверждается, что общественные отношения должны регламентироваться иным путём.

Настоящая статья посвящена рассмотрению базовых аксиологических аспектов японского права.

Буквально все стороны жизни японского общества своеобразны и неповторимы: философские взгляды, религия, длительная изолированность от всего мира, высокая эстетическая культура, симбиоз средневековой самурайской морали с современной деловитостью; удивительное трудолюбие, верность семейным традициям, глубокое чувство патриотизма и любовь к родине. Новое в Японии тесно переплетено со старым, иностранное — с национальным.

Это национальное своеобразие нашло отражение и в праве. Для правовой культуры Востока вообще и для Японии в частности характерно более длительное сохранение общинно-феодалных традиций. Например, особенностью китайской и японской правовой культуры было то, что считалось необходимым сохранять законы, особенно уголовные, в тайне, так как, согласно идущему с глубокой древности представлению, неизвестность грядущего наказания сильнее удерживает от совершения преступления, нежели точное знание конкретного наказания. Здесь чётко просматривается влияние религии на правовое развитие Японии и Китая. Как в повседневной жизни верующий человек не знает, какое наказание за конкретный проступок его ожидает от высших сил, так и уголовные законы того времени, выполняющие функцию наказания и проистекающие из императорских указов, носили «божественный характер».

Одной из важных парадигм современных социокультурных теорий является постоянно осознаваемая идея органической связи религии и права. Отображая трансцендентные сферы бытия, религия, безусловно, наиболее отдалена и независима от права, которое является более адекватным выражением социума. Тем не менее между религией и правом, как отдельными субстанциями, существуют определённые взаимоотношения, объяснения которым можно найти, применив аксиологический подход, рассматривающий право как социальную ценность и социальное благо [1, 125]. В настоящее время аксиологический метод всё более широко используется в процессе изучения права, в особенности национальных правовых систем, ввиду наибольшего соответствия такому объекту исследования, как культура. Действительно, право выступает как основной идеологический и практический признак культурно-цивилизационного процесса.

Особенности системы японского права во многом открываются через понимание системы регуляции поведения, сложившейся в японской культуре. Религиозная традиция Японии даёт нам ключ к познанию многих сторон действительности и лежит в основе организационных устоев японского общества.

При всей своей модернизации жизнь современного японца неразрывно связана с религиозными обрядами, пусть даже отчасти утратившими свой религиозный смысл. Религия как догмат иногда исчезает, но религиозное чувство, как правило, переживает всяческие религиозные формы и течения. Искусственное искоренение религиозного сознания прерывает «связь времён» и разрушает духовную жизнь общества и традиционную культуру.

Вся история Страны восходящего солнца неразрывно связана с синто — национальной религией японцев, являющейся ядром всей культуры. Без синто «японец — не японец, а Япония — не Япония» [2, 347]. Синто даёт возможность каждому японцу осознать свою национальную самоидентификацию. Основной «несущей конструкцией» для государственной жизни Японии является фигура верховного правителя — императора, являющегося универсальным интегратором, то есть воплощающим религиозные, символические, прагматические, правовые и судебные функции.

Формирование раннеяпонской государственности происходит около IV–V вв. Название «Япония» впервые фиксируется в начале VIII в. Исходя из об-

щеисторических закономерностей, можно с уверенностью констатировать, что в процессе формирования японской государственности религиозно-идеологические факторы должны были играть значительную роль. Формирование государственности, безусловно, диктует потребность в обращении к письменности. Интересующий нас более всего идеологический аспект функционирования японской государственно-правовой системы обеспечивается созданием законодательных и мифологическо-летописных сводов.

Первым из полностью дошедших до нас сочинений является «Кодзики» (712 г.). По тексту этого памятника хорошо видно, что «...официальная история понималась, прежде всего, как история страны, персонифицировавшегося в истории (то есть мифе и собственно истории) правящего, а также других могущественных родов» [3, 89]. Текст «Кодзики» имеет ясно выраженную идеологическую направленность: он призван обосновать легитимность правящей династии («императоры» как прямые потомки богини солнца Аматэрасу), а также справедливость занимаемого ныне положения главами других влиятельных родов (поскольку их божественные предки играли ту или иную роль в обустройстве японского государства в мифологические времена). Таким образом, задача «Кодзики» и последовавшего за ним мифологическо-летописного свода «Нихон сёки» (720 г.) состояла в том, чтобы создать такую модель прошлого, которая бы адекватно отражала социальную структуру настоящего. Именно наличие прошлого считалось (впрочем, считается и теперь) необходимым условием для оправдания существования тех или иных социальных установлений и институтов. Идеальная схема общественного устройства предполагала, что чем более древним было происхождение того или иного рода, тем большими правами пользовался он в настоящем. Результатом соотношения космологического строя представлений с исторической и государственно-правовой действительностью было появление свода императорских указов VII-VIII в. «Сэммё». По содержанию «Сэммё» прослеживается характер связи социальных и государственных институтов того периода с обрядово-культурной практикой и религиозно-идеологическими заимствованиями. В текстах «Сэммё» император часто титулуется следующим образом: «Наш государь, сын Ямато, о коем молвят с трепетом, что как бог явленный, великой страной восьми островов правит ... пребывает в согласии с законами, начатыми и установленными государем, о коем молвят с трепетом, правившим Поднебесной...» [4, 19]. Исполнение сэммё было средством обеспечить стабильность и благополучие государства и проводилось в рамках тщательно разработанного имперского ритуала. Именно поэтому начиная с этого времени и кончая X в. (период, когда общегосударственные законы в значительной степени перестали соблюдаться ввиду распада вертикали власти) Японское государство обычно квалифицируется как *Рицурё: кокка* — «государство, основанное на законах».

Таким образом, синтоистское мирозерцание должно было привести к культуре предков. Идеологический контроль над прошлым приравнивался к контролю над настоящим, а «время осознавалось как континуум, имеющий неодинаковую ценность в различных своих отрезках» [3, 89]. Следствием такой ценност-

ной ориентации стало стремление государства монополизировать контроль над прошлым (особенно над далёким прошлым — мифами), то есть миром предков. В Европе и Америке культ предков давно перестал существовать. В Японии с её конституционным режимом он существует и донныне; там, где своды законов пишутся по образцу западных стран, где цивилизация во всех её видах пустила корни, — культ предков имеет огромное влияние на законы и обычаи страны. Поэтому структура вертикали государственной власти Японии всегда была неразрывно связана с синтоизмом через культ предков.

Императорская фамилия самыми разнообразными путями была непосредственно вовлечена в японскую культуру, во главе которой находился императорский ритуал. Верховный правитель Японии именовался *сумэра-но микото*, что переводится как «Небесный повелитель» (позже *микадо* «Великие врата»), по учению синто есть представитель и наместник божества на земле, глава не только светской, но и духовной власти. Он являлся не только верховным жрецом, но и верховным судьёй, имеющим «небесный мандат», уполномочивающий его на осуществление правосудия. Принесение жертв богам и управление страной называется *мацури*, что выразилось в провозглашении единства «почитания богов и политики». Входя на престол, новый император проводил специальный магический ритуал, при котором, как считается, от умершего императора к новому переходит его душа, полученная от богини Солнца Аматэрасу. Фигура японского императора была священной. Но это была другая, отличная от Европы священность. Во-первых, в отличие от европейских монархов, а также от всех остальных японских семей, кланов, домов и родов, императорский дом не имеет фамилии, что, безусловно, немисливо для Европы. Положение правящего дома в Японии было настолько прочно, что никакой фамилии ему попросту не требовалось. Во-вторых, это была своеобразная неприкосновенность — в том смысле, что японский император не становился предметом живописного или словесного изображения или становился в минимальной степени. Японский император напоминает синтоистское божество, которое, как правило, тоже никогда не изображается. В других странах (например, в Великобритании, Швеции) монархи также являются главами национальных церквей, но только в Японии император лично отправляет религиозные ритуалы. Более того, его участие в этих ритуалах как бы лишено личностного момента. Он испрашивает благословения *ками* (божеств) не для себя лично, а для всего народа.

Таким образом, свойственный синтоизму культ предков в результате наполнился историческим содержанием, позволяя передаваться во времени максимуму возможной информации: время воспринималось, прежде всего, как процесс преемственности. Оттого и идея революционных преобразований, неизбежно связанных с волевым разрывом связи времён, то есть поколений, никогда не пользовалась в Японии сколько-нибудь широкой популярностью, отчего японские реформаторы всегда представляли свои новаторские идеи в контексте традиции, возврата к прошлому.

Нынешний статус императора, который принята после окончания Второй мировой войны конституция определяет как символ единства нации, вполне

вписывается в исторические реалии. Поэтому все социологические опросы показывают, что людей, которые выступали бы за отмену института императорской власти, чрезвычайно мало. Поскольку синто в широком понимании представляет собой базу формирования мировосприятия и мироощущения японцев, можно говорить о том, что императорский род был и остаётся центром японской культуры.

Тем не менее в условиях падения легитимности императорских указов и заимствования западной правовой системы, реальным правовым регулятором стали морально-правовые обыкновения — *гири*, представляющие собой социально-психологические нормы, способствующие выработке общих для большей части населения Японии ценностей и формирующие общенациональное сознание. Следует заметить, что у японцев никогда не было своих собственных национальных законов и чётко структурированной системы права, непосредственно выросших на национальной почве. Тысячу триста лет назад Япония заимствовала целиком все свои законы (имеются в виду кодекс «Тайхо рицурё», свод законов «Ёро рицурё») у китайцев. Даже знаменитая «Конституция Сётоку» («Закон 17 статей») испытала влияние буддизма и конфуцианства. В XIX в. Япония целиком переняла французские и немецкие кодексы, построенные на римском праве, ввиду желания во что бы то ни стало добиться равноправия с государствами — членами международной семьи культурных держав. Америка и Европа, принудив Японию открыть свои порты для иностранцев, добились для своих подданных привилегии экстерриториальности, то есть права судиться исключительно у своих консулов: ведение японских судов и властей на иностранцев не распространялось. Такой порядок вещей Япония считала унижительным для своего национального достоинства, но все претензии в этой области решительно отклонялись европейскими державами до тех пор, пока Япония не ввела у себя целый ряд новых правовых уложений, составленных по европейским образцам. Так, начиная с 1899 г. иностранцы, прибывающие в Японию, подлежат ведению японских судов.

Тем не менее, говоря о праве Японии, следует всегда учитывать различие между законодательно сформулированным правом и его применением в конкретных делах. Действительно, идея права европейского образца практически не проникла в повседневную жизнь японцев. Главное для японцев — нормы поведения *гири*, установленные для каждого вида человеческих отношений традицией. Корни понятия «гири» довольно туманны, а само слово фактически непереводаемо и не поддаётся точному определению. Гирри может быть понято как «сумма родственных значений, важнейшие из которых следующие: 1) моральные начала или долг; 2) правила, которым человек обязан подчиняться в общественных отношениях; 3) нормы поведения, которым личность обязана следовать, иногда даже вопреки своему желанию» [5, 87].

Существует множество противоречивых теорий об изначальном происхождении института «гири», но большей частью под «гири» понимают разновидность общественной нормы поведения, выработанной в феодальные времена сословием самураев. В период Камакурского сёгуната была даже предпринята

попытка кодификации *гири* и придания им характера источника общепонского права. Однако политическая раздробленность породила правовой партикуляризм: каждое княжество руководствовалось собственными властными предписаниями и нормами обычного права. Лишь военно-политическое объединение Японии в период третьего сёгуната — сёгуната Токугава — создаёт предпосылки для унификации правовых укладов и формирования общепонского права.

Таким образом, правовая система Японии исходит из *гири* и опирается на его правила. Составители законов чётко отдают себе отчёт в том, что не следует вступать в противоречие с нормами неписаных, но очень строгих правил. Большинство японцев недолюбливает юридические правовые нормы. С одной стороны, в народе считают, что от закона (*хо*) лучше держаться подальше, с другой — закон воспринимается как нечто чуждое, занесенное извне. Японцы ощущают свой *гири* перед начальством, страной, императором, и этого вполне достаточно. Так, например, хотя японское гражданское право берёт на себя обязанность регулировать исполнение обязательств, так же как в любой западной стране, на самом деле такая регуляция, по сути дела, не осуществляется. На самом же деле все обстоятельства неукоснительно должен соблюдать тот, кто стоит ниже по иерархии. От вышестоящего ожидают лишь достойного отношения к соглашению. Все конфликтные ситуации будут разрешаться не через суд, а по правилам *гири*.

В целом нормы поведения японцев исходят не из юридических оснований, а скорее из сложившихся психологических установок. Нормы Запада всё больше проникают в японскую культуру, однако вряд ли японцы откажутся от своих взглядов на государство, власть, право, закон. Слишком глубоко эти взгляды вошли в национальную психологию, этику и культуру.

Литература

1. Алексеев С. С. Теория права. — Х., 1994.
2. Молодякова Э. В. Синто в послевоенные годы // Синто — путь японских богов: В 2 т. — С.Пб., 2002. — Т. 1: Очерки по истории синто.
3. Мещеряков А. П. Синтоизм и древнее государство (V–VIII вв.) годы // Синто — путь японских богов: В 2 т. — С.Пб., 2002. — Т. 1: Очерки по истории синто.
4. Порито. Сэммё / Пер. со старояп. Л. М. Ермаковой. — М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1991.
5. Япония. Как её понять: очерки современной японской культуры / Под ред. Осаму Икэно, Роджер Дж. Дэвис; Пер. с англ. Ю. Е. Бугаева. — М.: АСТ: Астрель, 2006.